

НАША СТРАНА

Год издания — 36-ой, Буэнос Айрес, суббота 16 июня 1984 г.

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sabado 16 de junio de 1984 No. 1768

МЫСЛИ ВСЛУХ

НЕДОВЕРИЕ К ЧЕЛОВЕКУ

Если экономический либерализм основывается на доверии к человеку и к его экономической деятельности, то либерализм политический — наоборот — исходит из недоверия как к самому человеку, так и к его политической деятельности.

Относясь без всяких предубеждений к накоплению и концентрации экономической мощи, либерализм, в то же время, целенаправленно добивается ослабления и расщепления власти политической, главным образом при помощи, специально для этого разработанных, двух идей: разделения политической власти и расщепления права как такового на ряд (постоянно увеличивающихся) так называемых "человеческих прав". К этим двум изначальным инструментальным идеям политического либерализма затем была добавлена идея партийной системы, как обязательной и единственной передаточной инстанции для перенесения народного самодержавия на представителей предложенных партиями. Таким образом, либерализм в политической области проявляется как бы в виде тройственного плюрализма: плюрализма власти, плюрализма прав и плюрализма партийных переносных ремней власти от народа к партийным представителям.

Идея разделения власти на несколько властей была высказана, по видимому, сначала английским философом John Locke (1632-1704), который предложил разделить всю власть на три власти: законодательную, исполнительную-судебную и федеративную (последнюю можно сравнить с высшей властью, так как ей должно принадлежать право объявления войны, заключения мира и т. д.). Но окончательная форма этой идеи разделения властей, ставшей с тех пор краеугольным камнем политического либерализма, была придана известным французским политическим мыслителем Монтескье (Baron de Montesquieu, 1689-1755).

Монтескье, в своем произведении "Величие и упадок римлян", анализирует причины упадка римской республики, и приходит к заключению: "Наконец, республика была задумана: не надо обвинять в этом честолюбие отдельных лиц; обвиним человека, все больше жаждущего власти, по мере того как он ее достигает, и который желает все, только потому, что имеет много". (гл. 11). Итак, согласно Монтескье, не отдельные личности, а сам человек как таковой обладает склонностью (естественной?) к злоупотреблению властью. Так как эта склонность усиливается по мере увеличения власти, то основной задачей политики, согласно Монтескье, является ограничение и раздробление государственной власти.

И. А.

Е. ФОКИН

ШАГ СЛЕДУЮЩИЙ

Разрешу себе высказать мнение на тему: "С чего начать" (см. "Нашу Страну" № 1747). Как в любом деле — с подготовки материала (чтобы было что объединять!) — человеческого, идейного, печатного. И, слава Богу, такая подготовка повсеместно идет — без шумихи. Жаль, что не больше, что не все, болеющие о России, вносят посильную лепту свою в это творчество, а ожидают — объединения. Объединить нас трудно, слишком много амбиций и гордыни накоплено у каждого, слишком много тяжелых эмигрантских сомнений и одиноких размышлений над причинами Российского Горя выскристаллизовались в: "вот если бы у меня спросили" — рецепты разнообразные, остроумные, радикальные и часто недостаточно обоснованные, практикой не выверенные, с реальностью не согласованные.

Совершенно прав В. Рудинский в неутешительном прогнозе результатов попыток объединения; а также — что во многом может помочь "Наша Страна". Не объединять, не управлять, но направлять; координировать общие усилия. Большинство из нас, каждый на своем месте, знает лучше других, что он может сделать. Издавать монархическую литературу? Переправить ее "туда"? Воспитывать молодежь? Развешивать злостные легенды о России? (Не только среди иностранцев, но и среди своих)? Соф "зять подписи, "стучать в двери" мировой общественности в пользу Огурцова и Осипова, Регельсона и Якунина? "Промывать мозги" новоприбывшим, попросившим политическое убежище, или 3-ей волне, или старожилам и их потомкам, не забывая и своего соседа-туземца, пока их им еще не промыли их и наши общие враги?

А может быть, встречаться с еще очарованными всяческими социализмами и научиться их переубеждать? Есть ведь и такие экземпляры: "я своих детей в русскую школу не посылаю, там про царя-батюшку и всякую чепуху бормочут". И это говорит бывший зек, ярый антикоммунист, 36 лет в эмиграции! Он — не единица, ни здесь, ни там. Убедить его в нашей Правде не легко, а научиться этому — убеждать — квалифицированно, эрудированно, с цифрами и неопровержимыми доказательствами — очень полезно. Вернее, просто необходимо. Борьба в данный момент — в убеждении, а не в отчуждении. А в будущем от успеха убеждений зависит и сокращение кровопролития.

И еще: если советская власть посылает поэтов, писателей и даже бардов в "культпоходы" за границу,

то несомненно считает их деятельность для себя прибыльной в смысле пропаганды коммунистической идеи. Даже с этой идеей настолько несогласные как Владимир Высоцкий и тот, такими гастроллями льют (лили) на их мельницу воду: "смотрите! оппозиционер и того выпустили". А политическая эмиграция очень редко готова их встретить достойно. Реагируют неподготовленно, в одиночку или — никак. И позволяют местным компартиям организованно извлечь из этих визитов максимальную пользу для себя и для своего хозяина. 1) Пояснительные статьи, листовки, беседы на месте, как с окружающими, так и с самими посланцами, могли бы не только свести на нет пропагандный эффект, но и добиться противоположного. То же и с иными выступлениями местных компартий. Причем небесполезно в этом объединиться с венграми, поляками и прочими товарищами по несчастью. Во-первых, чтоб подчеркнуть, что русские не обязательно коммунисты, а во-вторых воспользоваться опытом этого вида демонстрации и борьбы, накопленным, например, у поляков.

Непочатое дело — борьба с диффамацией. Чтобы участвовать в ней, нужны лист бумаги, конверт и почтовая марка. На каждое безобразное явление, вроде иконы Божьей Матери с Брежневым на руках в североамериканской прессе и других бесчисленных подобных — дождь писем во всевозможные инстанции. Что мы, православные антикоммунисты, существуем — люди знают, что мы молчим — свидетельствует о нашем ничтожестве. Сообщить о появлении таких гадостей в "Нашу Страну". "Наша Страна" могла бы взять на себя печатать образцы протеста и список, куда эти протесты рекомендуется посылать, а читатели этот список восполняют. Этим очень пользуются евреи, чему и нам у них поучиться не зазорно. Этим они создали общественное мнение, а в результате — и свое государство.

Над разработкой проектов и установок, желательных для воскресшей России — нельзя же быть только "против", необходимо и выяснить, чего мы хотим: в сферах религиозной, экономической, социальной, политической, воспитательной, национально-политической и прочих, — тоже поработать нужно серьезно: из длинного нашего эмигрантского сидения с пустыми руками домой возвращаться негоже.

Или вот в "Посеве", "Русской Мысли" и некоторых других изданиях печатаются адреса ссыльных и семей политзаключенных. Видимо,

чтобы мы чем-то им помогали. Чем? Письмами, посылками? Что можно посылать, что можно писать чтобы там не повредить? Эти указания отсутствуют. А ведь это адреса людей, и так сидящих в пасти волка.

В России личная инициатива была челом Сибирью, строила величественные храмы, создавала Академию Наук, колонизовала Америку, открывала острова, спасала новоизбранного Государя, казнила царевубийцу Войкова, создавала тяжелую промышленность, строила железные дороги, издавала общеобразовательную литературу — по которой выучились миллионы самоучек, основывала монастыри, восстановила русскую государственность и монархию в Смутное Время... Список можно продолжить до бесконечности. Все это было — личной инициативой.

Объединения, заседания, голосования, партии и т. д. пришли к нам с Запада и увенчались недоброй памятью Думой и керенщиной. Не пора ли вернуться к настоящим русским формам деятельности? Я делаю вот это нужное всем нам дело, и делаю по моему разумению вот так. Хочешь помочь? Милости просим! Сумеешь лучше? Давай помогу! Даже в войске нашем доблесть, смелка и личная преданность непосредственному командиру, Царю-Батюшке и Отчизне всегда преобладали над дисциплиной и силой приказа, и самые славные страницы вписаны были сознательными, жертвенными чудо-богатырями, а не слепыми исполнителями.

Бог с ними, с объединениями... Они придут естественно, когда дело того потребует — и, в первую очередь, как самоограничение. А пока давайте начинать прямо дело делать индивидуально, не теряя сил и времени на объединения. К делу и соратники найдутся, из молодежи — тоже.

Основная работа по возрождению проводится без нас. Что не снимает с нас ответственности за безделье — отнюдь. Ответ за результаты деятельности за 60, 40 или 2 года — у кого как — в условиях сравнительной свободы, относительной личной безопасности, относительной же обеспеченности (часто нуждались, особенно первая эмиграция, но никто в эмиграции с голоду не умер и даже не опух) — каждый будет давать перед самими Большими Судьями: своей совестью, своим народом и Господом Богом.

Е. ФОКИН

1) Как случилось, например, во время недавних гастролей Евгения Евтушенко в Аргентине (Ред.)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

СТРАННОЕ СООТВЕТСТВИЕ

Нам пишут из Нью Йорка:

Выходящий здесь журнал "Кадетская Переключка", опубликовал в № 34 письмо за подписью "Князь Г. Гагарин", в котором фигурирует вызывающая недоумение фраза: "Нельзя говорить о русской самобытности и вместе с тем поддерживать Рейгана и Ко с их накоплением средств уничтожения русских, как это делает А. Солженицын".

Еще хуже, что это не соответствующее истине и клеветническое утверждение сопровождается совпастьем с патристическим заявлением: "Немецкую форму в последней войне, я бы не надел... Мне гораздо понятнее поступок Николая Гагарина, умышленно надувшего немцев, и поступившего к партизанам".

Оба утверждения идут полностью в русле советской генеральной политической линии: очернить и оклеветать великих русских патриотов, пришивая им абсурдную "легенду" об их "антирусскости" и, одновременно, восхвалять красных, на этот раз партизан.

Недоумение по поводу публикации в таком органе как "Кадетская Переключка" подобных утверждений, даже в виде письма в редакцию (без соответствующего ответа самой редакции), усугубляется тем, что уже в предыдущем номере этого журнала были опубликованы материалы, также соответствующие некоторым целям советской политики, о чем уже писалось в "Нашей Стране".

НОВОБРАНЦЫ

Нам пишут из Мюнхена:

"Красная Звезда" от 21 марта с. г. в статье "Если даже один..." выражает обеспокоенность тем, что "... нет-нет да и блеснет на груди у иного новобранца медный крестик". Газета призывает политработников "усилить атеистическое воспитание".

ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА

Нам пишут из Франкфурта:

Скульптор Эрнст Неизвестный заявил, что коренное изменение режима в России неизбежно. "Я скорее верю в автократические формы перехода, — подчеркнул Неизвестный. — Революция во имя чего? Во имя народа? Какого? Только может быть уж во имя спасения страны, как таковой. Но это лишь в крайне кризисной ситуации, когда страна в такую бездну попадет, что дальше двигаться некуда, когда такая безвыходная ситуация, что просто — погибай, когда все Политбюро с повинной придет, скажет "бейте нас" и заплет "Боже Царя храни".

Эрнст Неизвестный сослался также и на польские события: "Рабочее движение, традиционно двигалось от религии к материализму. А здесь колесо истории действительно повернулось вспять — от материализма к религии. Сталин любил язвить: а сколько у Папы дивизий... Вот посмотрел бы он сейчас в Польше на стотысячные толпы пролетариата — под знаком Черной Мадонны! Я не верю в рациональную эволюцию режима, сколь ни желательны мне кажутся постепенные, малые перемены.

Я верю в одно: в какие-то неуправляемые духовные процессы, которые могут двигать историю".

"ТРЕТЬЯ ВОЛНА"

Нам пишут из Лондона:

По данным выходящей здесь газеты "Джуиш Кроникл" советские евреи иммигрировавшие за последние 10-12 лет в США, "хорошо акклиматизировались". Многим из них удалось найти хорошо оплачиваемую работу. Согласно двум недавним опросам, одной из основных причин, побудивших советских евреев покинуть СССР, являлся якобы "антисемитизм, санкционируемый государством, эвфемистически именуемый *антисионизмом*". Тем не менее, 37,7 % опрошенных заявили, что руководствовались желанием "повысить уровень жизни". Многие из опрошенных сказали, что в СССР они принимали больше участия в культурной жизни, и им было значительно легче находить друзей. Немало опрошенных говорило также и о том, что их "социальный статус в СССР был выше, чем нынешний". Большинство новоприбывших стремится воспитать своих детей в еврейском духе.

НЕ ВЫЦАЛИ

Нам пишут из Женевы:

20 мая, за неделю до срока, трое первых подсоветских военнопленных, вывезенных Международным Комитетом Красного Креста из Афганистана в Швейцарию, — Юрий Поварницын, Валерий Диденко и Игорь Синчук покинули швейцарский военный лагерь, где они были интернированы с мая 1982 года.

Согласно условиям договоров, заключенных МККК с СССР, афганским сопротивлением и Швейцарией, подсоветские военнопленные должны оставаться в Швейцарии два года, по истечении которых они возвращаются в Советский Союз. Но из трех первых освобожденных двое предпочли остаться на Западе. Швейцарское правительство, долго скрывавшее свои намерения (только давление печати, западной общественности и русских политических эмигрантов, заставило его сделать официальное заявление о том, что ни один военнопленный не будет против его воли выдан СССР), разрешило им остаться и даже нашло благотворительную организацию, которая будет ими заниматься: устроит их на работу, найдет им квартиру, будет учить их языку и поможет им разобраться в сложностях и тонкостях западной жизни.

МАТЕМАТИК — НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Нам пишут из Вашингтона:

После нескольких месяцев работы в математическом институте имени Куранта в Нью Йорке и поездки в Калифорнию, подсоветский математик Сергей Козлов обратился в американскую полицию в Лос Анджелесе, заявив, что он заметил за собой слежку и что в номер его гостиницы был напущен неизвестный газ. После этого он был доставлен в советское консульство в Сан Франциско, а затем прилетел в Вашингтон, где в присутствии чиновников иммиграционной службы США выразил желание возвратиться в СССР. Однако, позднее, когда Сергей Козлов в сопровождении сотрудников советского посольства прибыл в

Вашингтонский аэропорт, он отказался сесть в самолет британской авиакомпании, на которой должен был возвратиться в Москву.

После этого ТАСС выступило с заявлением, в котором утверждается, что американские должностные лица якобы "подвергли большого человека (Козлова) унижительным допросам в аэропорту, изолировали его в течение длительного времени от персонала советского посольства, и в конце концов помешали его возвращению самолетом в Москву".

Представитель Государственного Департамента США — Алан Ромберг назвал "смехотворными" советские обвинения и подчеркнул, что Козлов сам отказался сесть в самолет, и этот факт "хорошо известен Советам".

За Козловым сохраняется полное право продолжать научную работу по той программе, в соответствии с которой он находился в Нью Йорке и Калифорнии.

ОПАСЕНИЯ ЯПОНЦЕВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Газета "Нью Йорк Трибьюн" сообщает, что министерство иностранных дел Японии было очень обеспокоено визитом делегации Московской Патриархии. Правительство опасается, и конечно не без основания, что прибывающие иерархи являются шпионами в рясах. Японская газета "Киодо" узнала, что правительство просило организацию, которая устроила прибытие советской делегации, никак не допускать своих гостей до мест, из которых могут быть видны верфи Нагасаки. Верфь, на которой строятся военные корабли, находится под постоянным наблюдением и охраной трех крейсеров.

Министерство настойчиво просило членов Внешней Культурной Федерации не допустить представителей Московской Патриархии увидеть верфи даже и издалека. Через два дня министерство просило Федерацию переменить гостиницу делегации, ибо "Нагасаки Токио Отель" расположен так, что из него можно увидеть верфи. Министерство не указало причин, почему оно просит об этой перемене, но в конечном итоге согласилось оставить план остановки именно в этой гостинице без изменений, вынужденное к этому давлением со стороны представителей религиозных групп и членов Федерации, которые резко раскритиковали действия министерства.

В данное время у Японии нет законов, оберегающих ее от шпионов и поэтому, советчикам удалось устроить в ней огромную сеть своей агентуры.

"Нью Йорк Трибьюн" не без основания утверждает, что Московская Патриархия функционирует в СССР "только под руководством власти. Богословское направление Церкви находится под бдительным надзором КГБ и эта Церковь поддерживает партию почти во всех случаях. Есть основания полагать, что это близкое сотрудничество стало возможным благодаря тому, что агенты КГБ проникли в ряды клира и в результате имеют возможность через них контролировать возглавление Церкви".

Посещение Японии советскими "религиозными группами" началось в 1980 году и уже в 1981-ом правительство стало само регулировать эти визиты. Так, министерство иностранных дел не позволило показать советчикам Окинаву и задержало выдачу им виз до самого дня их действительного приезда в Японию.

Политический Калейдоскоп

Евгений Шерман, главный экономист Международной Корпорации Золота, зависящей от Объединения рудников Южной Африки, заявил, что основная тенденция цены на золото недвусмысленно идет вверх. На основании новых методов экономического прогноза, выработанных совместно с Гудсоновским институтом, учитывающих довольно широкий диапазон экономических показателей, Шерман предлагает три экономических варианта на годы 1984-1986.

По первому варианту, в случае продолжения экономического роста в США, и его последующего распространения на Японию и Европу, цена на золото может дойти к концу этого года до 525 долларов за унцию, в 1985 году от 546 до 568 долларов и в 1986 от 592 до 618 долларов. По второму варианту, если теперешняя экономическая экспансия достигнет своего апогея во второй половине 1985 года, и после этого снова начнется рецессия в связи с бюджетными дефицитами и другими отрицательными явлениями, цена унции золота может достигнуть в конце 1984 года 549 долларов, в 1985 от 592 до 641 долларов и в 1986 году от 694 до 731 доллара. По третьему варианту, если экономический рост стабилизируется и позиция доллара останется твердой, цена на золото может достигнуть к концу этого года от 434 до 469 долларов, в 1985 году от 502 до 536 долларов и в 1986 году от 559 до 584 долларов.

"Венерабль" масонской ложи "П-2" Личио Джелли, сбежавший в августе прошлого года из одной швейцарской тюрьмы и с тех пор бесследно исчезнувший, неожиданно заявил через своего адвоката, что списки найденные в его вилле в Арешио не содержат имена членов этой ложи, а просто его друзей и доброжелателей. Заявление было представлено парламентской комиссии для исследования деятельности этой ложи, которая решила его опубликовать. Это первый раз, что Джелли делает заявление после своего побега. Его подпись на заявлении была признана подлинной. Джелли отрицает, что эта ложа была "секретной" в рамках масонства, и описывает ее историю, вплоть до 1981 года, когда она была закрыта правительством Италии, как секретное общество, противоречащее конституции.

В 1976 году, по словам Джелли, в ложу "П-2" влились члены государственной администрации, но таким образом, чтобы "не только быть под охраной полного секрета, но и даже без ритуальной связи с другими членами". Официальные списки ложи были вручены "великому мастеру итальянского масонства" (Великого востока Италии), и находятся под его личной охраной. Таким образом, повидимому, в данном случае, налицо известная аналогия с масонскими ложами, подготовившими и приведшими в исполнение февральскую катастрофу в России: государственные деятели состоящие в масонстве без ритуальной связи с обыденными масонами, и отдельные их списки, не только полностью засекреченные, но и хорошо закамуфлированные разными путанными версиями.

П. Н.

КИРПИЧИ ВАВИЛОНСКОГО СТОЛПОТВОРЕНИЯ

НАСТОЯЩИЕ ПОДДЕЛКИ

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где б московский иль горьковский
житель
В долгой очереди не стоял!

Николай Глазков

Большинство антисоветских пародий — анонимны. Это естественно — ни у кого нет желания попасть в ГУЛаг, или опалу. Демьян Бедный, например, написал пародийную пьесу "Богатыри". Казалось бы, недоброй памяти поэт, высмеивает героев русских былин. Ну, скажем, осуждает Василия Буслаева за его увлечение кулачными драками, и "чарой зелена вина" (размером в ведро). Но вся пьеса была написана так, что "богатыри" кремлевского политбюро без труда узнали в ней свои собственные портреты. 1) И Демьян Бедный был предан остракизму. Во время войны его "вернули" в печать, но он уже, наученный горьким опытом, избегал юмористического жанра.

Очень часто появляются также "кривые зеркала" на песни восхваляющие советскую жизнь и колхозный рай. Они, как правило, блещут сарказмом и весьма популярны. Вот например, слова оптимистического "Марша авиаторов":

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью
Преодолеть — пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор!
Все выше и выше и выше
Стремим мы полет наших птиц... и т. д.

Пародия же "Марш авиаторов" превратила в "Марш алкоголиков":

Мы рождены, чтоб водку пить и пиво!
Прямото жить средь пьяных образин...
Коль нет "столничной" — это нам не диво:
Мы будем пить бензин и керосин!
Все выше и выше и выше
Стаканы! А после — до дна!
И каждый без водки не дышет!
Без водки нельзя — ни хрена!

Пародия Александра Хазина "Возвращение Онегина", опубликованная в журнале "Ленинград" (№ 10, 1946 года), послужила одной из основных причин разгрома и журнала и его редакции.

Что же не понравилось партийным сатрапам? Высмеянный советский бюрократизм — Онегин не может добиться пропуски:

Вот он стоит с надеждой зыбкой,
Наивный пушкинский чудак,
Его же вопрошают так,
С весьма сочувственной улыбкой:
— Где вызов Ваш и где наряд?
Как Вы попали в Ленинград?

Затем вопрос поставлен твердо
— Где прожвали раньше Вы?
Онегин отвечает гордо:
— Родился на берегах Невы.
— В каком прописаны Вы доме?
— Описан я в четвертом томе
И, описав меня, поэт
Не дал мне справки...

— Справки нет?
Спросил уныло голос женский.
— Тогда помочь не можем Вам,
Сегодня Вы явились к нам,
А там придет товарищ Ленский.
Придет bella — Татьяна,
Вас много там а я одна.

Удивляет Онегина и хваленная женская "эмансипация" при новом советском режиме:

Онегин видит в вышине
Свою Тагг ну на окне.

С утра в домашней спецодежде
Она ведро и кисть берет
И красит стены, и поет:
Пускай погибну я, но прежде
Я дом свой выкрасить должна,
Привычка свыше нам дана.

Дореволюционная цензура была разумной. При ней возросли многие гении-гиганты русской литературы, которых просто не может быть при современном соцреализме... Даже появление новейшего Козьмы Прутков, при цензуре ЦК компартии невозможно.

Запрещение пародийной поэмы "Возвращение Онегина" специальным правительственным постановлением не может не выглядеть смешным. Суконный же текст постановления ЦК войдет в историю именно как пародия — самих большевистских чинуш, на самих же себя.

АНАТОЛИЙ БОР

1) Этот прием осужден А. И. Солженицыным в очерке о кинофильме "Андрей Рублев" Андрея Тарковского, помещенном в последнем номере "Вестника РХД".

ПЕЧАТЬ

ДВА ТИПА МОЛОДЕЖИ

В № 39 "Континента" помещен рассказ М. Зайчика "Крановщица Гладбах", сам по себе довольно слабый: перечисляются события жизни центральной героини, в которые не вложено ни сюжетного, ни психологического интереса.

В нем любопытен, однако, следующая эпизод. Дочь главного персонажа, Елизаветы Ароновны, Есфирь, рассказывает ухаживающему за ней русскому парню, профессиональному спортсмену, о старом знакомом своей матери, долго пробывшем в концлагере, и с сомнением замечает:

— Хорошие в тюрьме не сидят. На что ее жених отзывается:
— Ты так не говори, Фирочка, грешно.

Если в словах Фиры слышится (в довольно невинной форме) отголосок внушаемой жителям СССР властями официальной идеологии, в ее жуткой и гнусной стандартности, то ее друг, Виктор, от такой уже целиком освободился, или же никогда оную в душу и не принимал.

Автор его характеризует так: "Был он из большого села в Иркутской области, и хотя многому выучился и в школе, и в институте, и в спортобществе, но все же доброты в нем всегда торжествовала". Типично самое построение его фразы: он не говорит ни о законности, ни даже о справедливости (категории собственные и советскому мышлению), он говорит о грехе (самое понятие которого большевистскому мировоззрению чуждо), как о вещи, какой прежде всего следует избегать.

Наличие такой молодежи (а вряд ли этот Виктор не списан Зайчиком с натуры!) убедительно подкрепляет наши надежды на лучшее будущее России.

В. Р.

БИБЛИОГРАФИЯ

Лев Друскин, "Спасенная книга — Воспоминания ленинградского поэта", Лондон, 1984.

Поэту, теперь проживающему на Западе, за шестьдесят лет. С детства он скован — не может ходить, тяжелой судьбою связан на веки с инвалидным креслом. Был членом Союза советских писателей. Не буду останавливаться на его лирических произведениях, я не его поклонник. Но, прочитав книгу воспоминаний, натолкнулся на несколько интересных заметок:

"Мне кажется, что у Сталина было какое-то свирепое чувство юмора. Он любил забавляться трепетом своих подданных.

Писатель Леонтий Раковский, автор книги "Генералиссимус Суворов", получил письмо: "Позвоните тогда-то, по такому-то номеру".

Он счел это глупой шуткой, но, заинтригованный, все-таки решил позвонить. Телефона у него не было. В назначенное время он зашел в телефонную будку и набрал номер.

Ему сказали:
— Товарищ Раковский? Обожайте, с вами будет разговаривать товарищ Сталин.

Раковский обомлел. По тону он сразу понял, что это не розыгрыш.

Ждать пришлось долго. Около будки образовалась очередь. Рассерженные люди стучали в дверь, торопили. Раковский, бледный от испуга, высунулся наружу и попросил:

— Товарищи, умоляю, потише — я говорю с товарищем Сталиным.

Эти идиотские, неправдоподобные слова вызвали взрыв хохота. В будку забарабанили сильнее.

Наконец в трубке послышался характерный, до ужаса знакомый голос:

— Товарищ Раковский? Здравствуйте. Я прочел вашу книгу. Она мне понравилась, но у меня есть кое-какие замечания. Возьмите карандаш, бумагу — я буду называть страницы.

Раковский совсем растерялся. Заикаясь от страха, он забормотал, что у него нет телефона, что он звонит по автомату и почти ничего не слышит из-за волнения и шума.

Сталин резко перебил:
— Так вы что — не можете со мной разговаривать?

И повесил трубку.
Шатаясь, хватаясь за сердце, несчастный писатель прошел через безмолвно расступившуюся очередь. Весь день он слонялся по улицам, понимая, что дома его "уже ждут". Но выхода не было, и около часа он обреченно поднялся по лестнице. Дверь открыла жена.

— Где ты пропадал? — воскликнула она. — Я уже начала беспокоиться. А ты знаешь, у меня для тебя сюрприз: нам неожиданно поставили телефон.

Утром раздался звонок:
— Товарищ Раковский? Теперь вы можете со мной разговаривать? Возьмите, пожалуйста, карандаш и бумагу".

Не менее интересна и вторая миниатюра Друскина:

"С Брежневым вообще потеряли всякий стыд. Да и чувство юмора тоже. Культ Ильича нарастал крещендо и я уже два раза слышал, как на съезде и еще где-то его, "оговорившись", назвали "наш Ильич".

А теперь выяснилось, что к тому же он и писатель. И как отметил Борис Полевой, все литераторы должны учиться у него стилю.

Лишь один прозаик (не помню точно кто) осмелился сказать на собрании:

— Хочу покритиковать.
Все обомлели. А он продолжал:
— Да, у книги есть недостаток. Слишком уж Леонид Ильич скромный. Хотелось бы, чтобы он больше осветил свой грандиозный вклад в общенародное дело".

Наконец приведу из книги Друскина очень меткую эпиграмму, написанную кем-то о литераторе Саянове:

Видел я Саянова —
Трезвого, не пьяного.
Трезвого? Не пьяного?
Значит, не Саянова.

Валентин Зарубин

Н. В. Волков-Муромцев, "Юность, от Вязьмы до Феодосии". (ИМКА-ПРЕСС, Париж, 425 стр.)

Вышел из печати первый том Всероссийской Мемуарной Библиотеки (из серии "Наше недавнее"). Издательство это создано по инициативе А. И. Солженицына. В прологе к этой книге А. И. Солженицын пишет:

"Для страны, которая переживает (и, надеюсь, переживет) так затянувшуюся, всемертвящую коммунистическую диктатуру, одна из главных духовных целей — сохранение памяти о своем истинном прошлом, без чего нельзя восстановить самих себя духовно. (...) ... один из существенных способов сохранить связь с прошлым — собирать письменные воспоминания старых людей, независимо от того, досталась ли в жизни заметная историческая роль или рядовая. Всякий человек, кто долго жил, был непременно свидетелем или участником неповторимых событий, происшествий, обстоятельств и доносит до нас какую-то хоть частичку, а часто целые пласты — эмоционального воздуха эпохи, языка, быта, людских наружностей и психологии".

На призыв Александра Исаевича присылать ему неизданные мемуары откликнулось немало людей. Архив Всероссийской Мемуарной Библиотеки состоит уже из нескольких сотен больших и малых рукописей.

Серия "Наше недавнее" будет выходить неперIODически, по мере издательских возможностей, отдельными томами и сборниками.

Книга Н. В. Волкова-Муромцева обладает большой ценностью не только с точки зрения фактического материала, но и с точки зрения литературной. Автор родился в 1902 году в Смоленской губернии, в семье родовитых дворян-помещиков. Один из его предков был охотничьим Иваном Грозного. Отец автора окончил Рижский университет, воинскую повинность отбывал в лейб-гвардии Конном полку; мать же его была единственной дочерью графа П. А. Гейдена и княжны С. М. Дондуковой-Корсаковой. Большое имение Хмелита, в котором рос автор воспоминаний, принадлежало в 18-ом веке и в начале 19-го роду Грибоедовых. Автор рассказывает о своем детстве в этом имении, о поездках к родственникам, затем о жизни в Петербурге.

В 1919 году, будучи семнадцати лет отроду, Волков-Муромцев бежал из красной Москвы на юг, к белым и провоевал в Добровольческой армии до самого последнего сражения. Эвакуировался, и с 1921 года проживает в Англии. Все его повествование исключительно интересно и поучительно в бытовом и историческом отношении.

Е. Балмин

Е. КАРМАЗИН

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

ОБ АФГАНИСТАНЕ — ОТВЕТ ВИКТОРУ ШТРЕМЛЕРУ

Некогда А. Макриди имел обыкновение давать титул "орлов" новым авторам, смотря по их заслугам. Думаю, что Виктор Штремлер после своей с блеском написанной статьи в "Н. С." № 1762 — такого титула заслуживает.

Это, однако, можно сказать только об основных выводах В. Штремлера: призывать подсоветских солдат в Афганистане к сдаче в плен — ни в коем случае нельзя, так как повстанцы — в силу тех или иных условий — пленных могут расстреливать, а перебежчиков могут — даже и через Красный Крест — выдавать советским властям... Все это совершенно бесспорно.

Совсем другой вопрос — при чем тут В. Пирожкова, которую В. Штремлер — для красоты слога? (не из личной же вражды!) — обвиняет в безответственных призывах. Тут утверждения В. Штремлера, к сожалению для него, построены на песке и рассыпаются сами собой, даже быстрее, чем карточный домик. Показательно, что в своих филиппиках В. Штремлер не привел ни одной цитаты из статьи В. Пирожковой — понятно, за отсутствием среди них подходящих к обвинению.

В. Штремлер пишет: "Несправедливы слова Пирожковой, что нет данных об убийстве партизанами военнопленных". А вот что сказано в статье В. Пирожковой: "Высказывания двух из афганских вождей (в газете "Ди Вельт" от 2.1.84 г.) звучат так, что здесь можно предполагать и убийство пленных. Положение пленных и даже перебежчиков настолько неопределенно и опасно, что призывать их к переходу к повстанцам было бы безответственно".

К статье В. Пирожковой мы еще вернемся, а здесь укажем вот что: после своей статьи в "Голосе Зарубежья" № 32 В. Пирожкова пишет:

"В дополнение к нашей статье мы перепечатаем из журнала "Наши Вести" № 393 следующую статью. Она подтверждает то, что мы написали". Автор этой следующей статьи — лорд Николас Бетелл, известный своей книгой о преступной выдаче Сталину русских пленных после Второй мировой войны. Лорд Бетелл передает рассказ двух солдат — Коли и Саши, освобожденных из афганского плена и находящихся уже в Брюсселе — "на следующей неделе они уже будут в Нью Йорке". Вот что говорит Коля: "Я увидел идущих мне навстречу повстанцев. Вначале я испугался — за последние годы они ведь многим нашим солдатам глотки перерезали, ни о чем даже не спросив их". Далее, "он безуспешно пытался объяснить им, что хочет сдаться, испытывая при этом страх, что его тут же прикончат..." Затем, "меня спросили, хотел бы я принять ислам и присоединиться к ним для борьбы с советским империализмом; но я, понятно, сказал им, что нет, и что хотел бы быть отправленным на Запад". Лорд Бетелл замечает, что "только потом он понял, что это был новый серьезный риск для его жизни, когда узнал, что некоторые группы повстанцев расстреливают за отказ принять мусульманство. Но эта группа уважила его просьбу (хотя и не сразу, а лишь пять месяцев спустя)... Трудный и длинный путь предстояло преодолеть им из лагеря в горах Афганистана перед тем, как попасть на Запад. Их жизнь долго еще висела на волоске... Если повстанцы подвергаются нападению советских частей или же попадают в их окружение, то тогда пленным грозит смерть. Происходит это потому, что они не желают допустить перехода пленных на сторону неприятеля". Так пишет лорд Бетелл, статью которого В. Пирожкова специально перепечатала в "Голосе Зарубежья". Где же все-таки В. Штремлер нашел у Пирожковой "безответственные призывы"?

В. Штремлер продолжает: "Но и с дальнейшими аргументами Пирожковой согласиться трудно. Например, переданных Красному Кресту военнопленных все равно ждет выдача советам". А вот что ска-

зано у В. Пирожковой: "И еще хуже: нельзя доверять Красному Кресту! Казалось бы, самое человеческое, что афганские повстанцы могут сделать это передать пленных Красному Кресту. Но вот и над переданными Красному Кресту нависает угроза быть отданными снова советской власти". С чем же не согласен В. Штремлер?

Продолжая далее свою полемику, В. Штремлер пишет: "Ну зачем крикливые возгласы о счастливой жизни русских в эмиграции"? Это ответ на слова В. Пирожковой, что "сотни тысяч русских эмигрантов работают по специальности, у них уже имевшейся, или приобретенной в стране эмиграции, и они вполне нужные люди". И это — правда: ведь те русские пленные и "остовцы", которым удалось избежать насильственной выдачи на сталинскую смерть, действительно успешно приспособились к жизни в свободном мире. Конечно, прав В. Штремлер, что "доступ ко сколько-то более легким и лучше оплачиваемым профессиям во многих странах русским был наглухо закрыт; всяческие их права ущемлены, не даром сложилась горькая поговорка о забвении гвоздей золотыми часами". Так было и с первой эмиграцией, и со второй, так и с третьей — могу подтвердить уже своим опытом (у нас тоже говорят: колоть дрова микроскопом). — Не считая, разумеется, диссидентов и их с ними — сам В. Штремлер вполне справедливо выделяет их в особую категорию ("номенклатура" — и там, и здесь на особом положении).

Однако, спросим В. Штремлера: где же все-таки было лучше русским людям — в тяжелой жизни на Западе, или при каторжном сталинском режиме ("там где мой народ, к несчастью, был", — по горькому слову Ахматовой)? Да, Цветаевой (хрестоматийный случай) в эмиграции было невыносимо, но она жила, растила детей, писала стихи. А в СССР — сразу стихи кончили, она повесилась, сын погиб, дочь долгие годы отсидела в лагерях.

Но в этом вопросе В. Штремлер еще более неправ. Речь-то идет о том, что делать тем пленным (а их уже сотни, по словам лорда Бетелла, и количество все растет, независимо от наших рассуждений), которые уже в плену у повстанцев? Им-то единственный шанс на спасение — если их выпустят на Запад и примут там. И Запад — как мы все хорошо знаем — довольно часто не спасает и не принимает. А тут, когда Запад склонен помочь спасению от смерти наших несчастных ребят, В. Штремлер каркает: "после шумихи о них забудут и предоставят безвыходной участи". Да и пусть забудут! что за нужда молодым солдатам, рабочим и техникам, в "шумихе"? А безвыходная-то участь у них как раз в плену...

Далее В. Штремлер утверждает, что В. Пирожкова якобы призывает "не пугать советских солдат и не раскрывать им предстоящих опасностей". В. Штремлер здесь прибавляет: "Правда, вот что ведь нужно. На лжи не надо строить нашу пропаганду, будь-то и с самыми благими намерениями". А у Пирожковой сказано буквально то же самое: "Нельзя в тех передачах, которые могут дойти до солдат, ни рисовать радужной картины перебега, ни запугивать их неверными утверждениями, что их непременно ожидает смерть". Оставляя в стороне метод полемики, взятый здесь В. Штремлером, скажем по существу дела. Ведь солдаты по радио знают, что ряд пленных переправлены в Европу и Америку. Если пытаться это от них скрывать, то они, конечно, вовсе не поверят "пугающим передачам", что и может быть для них смертельно опасным... Повторим же за В. Штремлером: "Правда, вот что ведь нужно".

Заканчивает свою статью В. Штремлер риторическим вопросом: "Что если солдаты прочитали бы обращение В. Пирожковой" и т. д. — весь соответствующий набор рассуждений. Нелепость этой риторики очевидна: никакого обращения Пирожковой нет в природе; и из ее статьи извлечь его никаким способом невозможно.

По-русски все это именуется "напраслина" (по-иностранным — и той крепче), что снижает ценность в остальном серьезной статьи. Поэтому хотелось бы, чтобы талантливый В. Штремлер не разбавлял впредь свои статьи такими чернилами.

Е. КАРМАЗИН

В воскресенье, 15 июля с. г., отмечая 35-летие основания

БУЗНОСАЙРЕССКОГО ПРИХОДА

СВ. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

и 25-летие освящения храма на улице Фалучо 854, Вижа Бажестер, по окончании литургии будет отслужен торжественный молебен. После молебна состоится трапеза и небольшая артистическая программа. Комитет по устройству праздника приглашает всех разделить с приходом это торжество.

К СВЕДЕНИЮ ДРУЗЕЙ

Затянувшаяся почтовая забастовка привела к тому, что на буэнос-айресской главной почте задержано от 5 до 7 миллионов писем. Поэтому мы просим наших корреспондентов не сетовать на редакцию в случае вынужденного молчания с нашей стороны.

О Ш И Б К А

В отделе "Зарубежная жизнь" ("Н. С." № 1765) вкралась ошибка. Настоятелем Буэносайресского Кафедрального Собора является Высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Буэносайресский и Аргентино-Парагвайский.

И СМЕХ И ГРЕХ...

На внеочередном пленуме ЦК КПСС было принято два решения.

1. Избрать Черненко генеральным секретарем.
2. Похоронить его на Красной площади.

Брежнев и Андропов встречаются на том свете:
— Ну что, выпьем?
— Нет, давай уж подождем третьего...

Что такое 40 зубов и 4 ноги?
— Крокодил. А что такое 4 зуба и 40 ног? — Политбюро ЦК КПСС.